

реальности» в нем свидетельствует о распаде взаимосвязи между героем и его поступком, между словами и вещами; болезнь речи становится указанием на болезнь тела. Тем самым нозография оказывается одновременно и объектом, и инструментом «деконструкции». Подобная техника применяется писателем и в других произведениях («Леди Макбет», «Королевский рескрипт»).

О. И. Шапкина (Москва) в докладе «Образы медиков в сценарии Л. Улицкой „Чума, или ООИ в городе“» говорила о том, что публикация спустя годы после создания, уже во время нынешней пандемии, этого основанного на реальных событиях сценария, несомненно, способствовала более многогранному его восприятию. В сценарии представлен ряд образов медиков (микробиолога, врачей, медсестер), которые с честью выдержали «экзамен на гражданскую и врачебную зрелость» в чрезвычайной ситуации.

С докладом «Была ли русская литература готова к ковиду?» выступил С. П. Оробий (Благовещенск). По его мнению, «коронавирусный текст» русской литературы отнюдь не скуден: тут и стихи на злобу дня, и большие романы. Однако самым предпочтительным его жанром оказалась эссеистика, а именно «карантинный» цикл А. Гениса, соединивший в себе злобу дня, хронику и литературу в самой концентрированной ее форме. Мотивы, важные для «коронавирусного текста» в целом (дом, скука, путешествия, еда), подаются в этих очерках в типичной для этого жанра изобретательной манере.

Большинство докладов вызвали оживленную дискуссию. Возможно, через год будет проведена вторая Международная научная конференция «Русские писатели и медицина».

© С. А. Кибальник

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-274-281

#### МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БРЮСОВСКИЙ ПУШКИН. ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА БОГОМОЛОВА. ПЕРВЫЕ БОГОМОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»\*

29–30 октября 2021 года на факультете журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова прошла Международная научная конференция «Брюсовский Пушкин. Памяти Николая Алексеевича Богомолова. Первые Богомоловские чтения». Организатором конференции выступила кафедра литературно-художественной критики и публицистики, которой более полувека руководил профессор Н. А. Богомолов.

Конференция проводилась в рамках гранта РФФИ КИАС № 20-012-00106 «Валерий Брюсов — издатель сочинений Пушкина». Этот грант задумал и начал вести Н. А. Богомолов. Тема гранта отражает две важнейшие грани культурного мира Н. А. Богомолова: он был уникальным специалистом по литературе Серебряного века и прекрасным знатоком пушкинского творчества. Научная встреча была задумана как диалог ученых, «живущих» в двух веках русской культуры: Золотом и Серебряном.

В работе конференции приняли участие известные филологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Китая, Колумбии, США, Японии. Заседания проводились на платформе Zoom, что

дало возможность подключиться слушателям из разных городов России и из-за рубежа.

За два дня было заслушано 32 доклада, в которых был затронут широкий круг проблем, связанных с брюсовской рецепцией Пушкина и пушкинской эпохи. Тематика определила и структуру программы, состоявшей из нескольких тематических блоков. Деление на секции принципиально отсутствовало: все слушали всех.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась декан факультета журналистики Е. Л. Вартанова, отметившая выдающиеся научные заслуги Н. А. Богомолова, его высокий авторитет среди преподавателей и студентов факультета и поддержавшая идею кафедры сделать Богомоловские чтения традиционными и проводить их раз в два года. Е. Л. Вартанова указала и на символически дат: конференция памяти Н. А. Богомолова открылась в день рождения Я. Н. Захарова, декана факультета в 1965–2007 годах.

Приветственное слово произнесла и О. Л. Довгий, указав, что в тройном названии конференции стержневым является имя Н. А. Богомолова, ставшее центром притяжения для крупнейших филологов из разных стран мира. Участники смогли услышать живой голос Н. А. Богомолова: О. Л. Довгий включила в свою речь фрагмент его видеон-

\* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00106 «Валерий Брюсов — издатель сочинений Пушкина».

тервью для С. Г. Коростелева, где идет речь о роли Пушкина в культурном мире ученого.

Утреннее заседание 29 октября открылось тематическим блоком «Текстологические принципы издания классиков». Е. О. Ларионова (Санкт-Петербург) в докладе «Полное собрание сочинений Пушкина под редакцией В. Я. Брюсова (1920) как эдиционный эксперимент и его значение для развития русской текстологии» предложила новый подход к брюсовскому изданию Пушкина. Докладчица отметила, что ПСС Пушкина в трех томах и шести частях было частью большой пушкинской издательской программы, предложенной В. Я. Брюсовым в 1919 году Наркомату просвещения. Остановившееся после выхода первой части (лирические стихотворения), это издание в среде исследователей-пушкинистов имеет репутацию своего рода «неудачного» проекта. Однако, по мнению Ларионовой, оно достойно внимания как достаточно смелый эксперимент, которым Брюсов пытался сломать утвердившуюся в издании пушкинских текстов традицию. Докладчица предложила рассмотреть издание (вышедшую часть и заявленный план последующих) в нескольких аспектах. Прежде всего, с точки зрения структуры издания: деление материала на «биографические» периоды, композиция внутри этих периодов, выделение разных категорий пушкинских текстов. Далее, с точки зрения того, как в этом издании проявились характерные методы Брюсова-текстолога — стремление к связным чтением и широкий допуск гипотетических реконструкций. И наконец, подчеркнула возможность оценить брюсовское издание как некий импульс, данный русской текстологической мысли 1920-х годов (книга М. Л. Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» и вызванная ею текстологическая дискуссия, программы полных «до-академических» собраний сочинений Пушкина 1930-х годов).

Продолжила тему брюсовского Полного собрания сочинений Пушкина, сосредоточившись на результатах собственных архивных разысканий, С. А. Казакова (Москва). По мнению докладчицы, на основе сохранившихся в фонде Брюсова в РГАЛИ черновых и беловых автографов, корректур, версток будущих частей собрания можно восстановить замысел редактора, проанализировать подход Брюсова к текстологии, составу произведений, включенных в собрание сочинений, исследовать принципы расположения материала, методы работы редактора над примечаниями и биографическими статьями. В докладе была затронута и полемика в кругу пушкинистов, вызванная брюсовским эдиционным подходом, отражившаяся в критике 1920-х годов. Казакова считает необходимым продолжение изучения этой полемики, так как она позволяет поднять ряд важных для текстологии вопросов, а также проанализировать достоинства и недостатки издания под редакцией Брюсова.

Доклад В. Э. Молодякова (Япония) был посвящен истории несостоявшегося Собрания

сочинений Валерия Брюсова в 12 (вариант: 10) томах, которое готовилось в Гослитиздате в 1930-е годы, но так и не вышло. Основным источником информации об этом плане до сих пор оставалось сообщение в «символистском» томе 27/28 «Литературного наследства», где было кратко изложено содержание томов и указаны предполагаемые редакторы и авторы вступительных статей. Докладчик подчеркнул, что лишь открывает тему, используя всего один, но ценный неизданный источник — письма И. М. Брюсовой 1935–1955 годов к Д. Е. Максимова, который предполагался участником задуманного издания. После войны работа над собранием сочинений возобновилась, но в неблагоприятных издательских условиях его объем «усох» сначала до шести, потом до трех и в конце концов до двух томов «Избранных произведений» (1955). Докладчик призвал коллег продолжить поиски материалов по данной теме, прежде всего из архива Гослитиздата.

М. В. Строганов (Москва) в докладе «Текстологические проблемы „Царя Никиты“» предложил ряд уточнений к «Отрывку из сказки „Царь Никита“» в новом Полном собрании сочинений Пушкина (подготовка текста и комментарии Г. А. Левинтона и Н. Г. Охотина). «Царь Никита» печатается среди стихотворений — по традиции, как сказка (СПб.: Наука, 2016. Т. 2. Кн. 2). Однако в отличие от сказок Пушкина начала 1830-х годов сюжет его не имеет фольклорного аналога. Типологически «Царь Никита» относится к гипотетическим стихотворным произведениям, и место его среди поэм. К Л. С. Пушкину восходит информация о незавершенности «Царя Никиты». Комментаторы считают, что этому противоречит включение его в перечень законченных произведений 1821–1822 годов, и помещают текст в разделе «Отрывки недошедших произведений», однако Пушкин часто публиковал сюжетно завершенные, но фавульно незаконченные части своих произведений. Свидетельство Л. С. Пушкина можно понимать так, что на вырванных листах рабочей тетради находился черновой и не сведенный воедино текст продолжения поэмы, который он использовал в досочинении окончания поэмы и поэтому не называл его принадлежащим брату. Поэтому А. С. Пушкин имел право отказываться от авторства этой поэмы. По степени определенности авторства «Царя Никиты» представляет собой нечто среднее между «Гаврилядой» и «Тенью Баркова»: начало написано несомненно Пушкиным, но текст ее после первых 22 стихов дубиален.

Следующий раздел программы носил название «Брюсов и пушкинистика XX века». Д. П. Ивинский (Москва) в докладе «Пушкин в историко-литературной концепции Брюсова» представил эту концепцию как постепенно формировавшуюся в литературно-критических выступлениях 1900–1910-х годов, посвященных преимущественно литературной современности, и связал последние статьи

Брюсова о Пушкине («Записка о правописании в издании сочинений А. С. Пушкина» [1922], «Разносторонность Пушкина» [1922], «Пушкин мастер» [1924]), в которых эта концепция приобрела условно завершённый и при этом радикально «пушкиноцентричный» характер, с полемической статьёй В. М. Жирмунского «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» (1917, первая публикация — 1922), своеобразным ответом на которую они стали, и таким образом именно критика брюсовской историко-литературной концепции оказалась значимым фактором ее формирования. В основе же этой концепции оказалась сложная открытая система частичных, часто противоречивых и осмысляемых в этих качествах обязательно-необязательных связей самых разнородных и разновременных текстов с пушкинскими, как завершёнными и опубликованными при его жизни, так и с незавершёнными и даже оставленными на уровне черновых набросков и «планов». В результате «направления» / «стиля», о которых писал Жирмунский, оказались лишь частью сложнейшей движущейся картины истории русской литературы, обладавшей динамикой на всех ее соотносительных уровнях, и при этом все они (классицизм — романтизм — реализм — символизм) уверенно опознавались уже в самом пушкинском творчестве.

В докладе «Пушкинское и анти-пушкинское в жанровой поэтике книги В. Я. Брюсова „Urbi et Orbi“» Д. М. Магомедова (Москва) отметила, что принцип циклизации в книге стихов 1903 года одновременно традиционен и уникален. Циклизация стихотворений по жанровому принципу восходит к традициям XVIII века и пушкинской эпохи, однако к концу XIX века жанровая логика вытеснена тематической, и возвращение к жанровой циклизации выглядит исключением. Соотнеся жанровый принцип циклизации с авторским предисловием, декларирующим осознанный подход к книге стихов как к «большой форме» нового типа, где все циклы должны восприниматься как главы художественного целого, необходимо признать, что основная тема сборника — жанровая рефлексия. Набор жанров, вошедших в сборник, это и репертуар рубежа XIX–XX веков, где жанры пушкинской эпохи (оды, элегии, послания, антологические стихи, баллады) соседствуют с нестандартными для книжной традиции («Песни», «Думы», «Картины») без соблюдения принятой в пушкинскую эпоху жанровой иерархии. Одновременно традиционные жанровые циклы в сборнике — это демонстрация преобразования канона, которое началось еще в пушкинскую эпоху, что было показано в докладе на примере элегии и баллады (исчезновение идилического топоса в элегии, замещение «иного» мира в балладе миром страсти). Была высказана гипотеза, что книга «Urbi et Orbi» явилась для Брюсова первым прообразом будущих авторских антологий «Сны человечества» и «Опыты по метри-

ке и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам».

Е. А. Закрыжевская (Москва) в докладе «Ходасевич о пушкинистике Брюсова (по материалам критики)» наметила новый путь в осмыслении влияния поэзии и личности Брюсова на молодого В. Ф. Ходасевича: это связь между пушкинизмом Брюсова и первыми пушкинскими штудиями Ходасевича, до сих пор остававшаяся за пределами внимания исследователей. Косвенно интерес Ходасевича в середине 1900-х годов подтверждает ссылка на неопубликованную статью Брюсова, сделанная в одной из важных пушкиноведческих статей 1927 года «Глуповатость поэзии». Хотя высказывания Ходасевича о работе Брюсова в области изучения пушкинского творчества немногочисленны и порой противоречивы, все же по некоторым из них можно заключить, что именно от Брюсова унаследовал автор «Поэтического хозяйства Пушкина» весьма важное для понимания его исследовательской установки представление о том, что лишь поэт может верно трактовать и угадывать замыслы другого поэта.

Тему, которой серьезно занимался Н. А. Богомолов, затронула О. И. Шапкина (Москва) в докладе «Размышления о А. С. Пушкине: В. Я. Брюсов и Н. О. Лернер»: на основе анализа переписки Брюсова и Лернера выявила сходства и различия их взглядов на осмысление творческого наследия Пушкина; рассмотрела, как складывались взаимоотношения между редактором и автором при подготовке книги «А. С. Пушкин. Труды и дни» (1903) в издательстве «Скорпион».

В докладе Е. В. Глуховой (Москва) «Андрей Белый и его работа над семантическим тезаурусом поэтической лексики Пушкина» речь шла о подготовительных материалах к статье «Пушкин, Тютчев и Боратынский в зрительном восприятии природы» (1916). В музее Андрея Белого на Арбате сохранилось отдельное издание сочинений Пушкина из личной библиотеки писателя, с его пометами. Изучение этих маргиналий со всей очевидностью демонстрирует принципы работы над семантической лирических текстов. Вычленив константы природной образности — Солнце, Луна, Воздух, Вода, и опираясь на предположение о том, что эти константы и позволяют со всей очевидностью показать разницу в образном и семантическом строе поэтических текстов, Андрей Белый систематизировал образный состав лирики Пушкина (и других поэтов).

В докладе М. Ю. Эдельштейна (Москва) «П. П. Перцов — пушкинист» были рассмотрены работы Перцова о Пушкине с середины 1890-х годов до конца 1920-х. В числе прочего исследователь, опираясь на переписку Перцова с Брюсовым, предпринял попытку реконструировать неосуществленный замысел ранней статьи о Пушкине, где последний должен был быть представлен как предшественник декадентов. Особенно подробно Эдельштейн остановился на итоговом критическом сочине-

нии Перцова «Литературные афоризмы», продемонстрировав его связь с трудами по морфологии бытия, на которых был сосредоточен Перцов в 1920–1930-е годы.

Два следующих доклада развивали тему пушкинского юбилея в осмыслении прессы. Л. А. Ключковская (Москва) в сообщении «Пушкинские страницы „Исторического вестника“» обратилась к освещению этого события в историческом и литературном журнале А. С. Суворина и С. Н. Шубинского 1899 года. Материалы первых четырех номеров являлись «вступлением в тему»: в разделе «Смесь» публиковалась многостраничная информация о подготовке к празднованию столетней годовщины поэта. В каждом блоке — от 20 до 40 подробных рассказов из разных городов России о предстоящих выставках, заседаниях, вечерах (в гимназиях, университетах, библиотеках, научных обществах), что представляло юбилей Пушкина общенациональным событием. В последующих номерах помещались отчеты о прошедших торжествах в России и за рубежом, обзор литературы, вышедшей к памятной дате. Кульминацией стал майский номер, почти полностью отданный материалам о жизни и творчестве поэта. Это были исследовательские статьи А. К. Бороздина, Б. В. Никольского, П. Н. Полевого, публикации биографического и краеведческого характера. В качестве Приложения к юбилейному выпуску редакция предложила читателям фотографии автографов поэта (из собрания П. Я. Дашкова). Без сомнения, ценным являлся также обзор переводов произведений Пушкина на 50 языков и наречий мира. В юбилейных материалах «Исторического вестника» отразились как труды научного сообщества по осмыслению творческого наследия Пушкина, так и действия русского образованного общества по распространению знаний о поэте и сохранению памяти о нем.

В докладе Р. А. Поддубцева (Москва) «Пушкинский юбилей на страницах журнала „Мир искусства“» был предпринят анализ публикаций, появившихся в журнале в 1899–1900 годах. Исследователь выделил три основных проблемных узла: неучастие в «пушкинском» номере журнала (№ 13–14 за 1899 год) В. С. Соловьева и его ироничный отклик на статьи других авторов (В. В. Розанова, Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, Ф. Сологуба); обзорная статья С. П. Дягилева «Иллюстрации к Пушкину», в которой дана низкая оценка двум подарочным изданиям с рисунками прославленных художников; спор о последних днях жизни Пушкина и его смерти, возникший между П. П. Перцовым, Рыц (И. Ф. Романовым) и Розановым. По мнению Поддубцева, серьезного разговора о поэте и его сочинениях на страницах «Мира искусства» не получилось. При этом статья Дягилева, посвященная отнюдь не литературным вопросам, заслуживает особого внимания. Она ценна благодаря переключкам с более поздней статьёй Ю. Н. Тынянова «Иллюстрации». Та-

кое смещение акцента с текста на рисунок неудивительно, поскольку журнал «Мир искусства» был по преимуществу художественным журналом.

Доклад А. А. Холикова (Москва) «„Речь“ о Пушкине в будни революции (1917–1918)» опирался на обнаруженные в процессе подготовки аннотированной росписи газеты «Речь» публикации самых разных жанров (Ю. И. Айхенвальда, А. Н. Бенуа, С. А. Венгерова, Д. В. Filosofova и др.), в которых имя Пушкина объединило ключевые направления культурной повестки издания в революционные годы: науку, искусство, образование, музейное дело. Показано, как через обращение к духовному и материальному наследию классика велась борьба «за» всю русскую культуру в контексте споров о роли интеллигенции, патриотизме и будущем страны.

Л. В. Стебенева (Гайворонская) (Москва) посвятила доклад «„И с Пушкиным я говорю как друг“: пушкинский код в поэтологии В. Я. Брюсова» сравнительному анализу подходов Пушкина и Брюсова к раскрытию основных поэтологических тем. Материалом для сопоставлений послужили мотивные пересечения поэзии Брюсова и Пушкина, брюсовские переводы оды Горация, аллюзивные по отношению к «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», опыты продолжения пушкинских произведений, незавершенный «Дневник поэта» (1917).

В докладе Ирины Антанасиевич (Сербия) «„Дух Пушкина, явь!“: спиритизм в творчестве Брюсова» сделана попытка рассмотреть эволюцию феномена «призыва» духа Пушкина с акцентом на анализ увлечения спиритизмом Брюсова. Докладчица считает, что специфика данного вопроса такова, что требует включения в исследование проблемы, которая касается генеалогии явления и изменения форм наблюдаемого переноса. И. Антанасиевич также представила обзор развития феномена «призыва» духа в среде русской эмиграции, особенно в первые годы формирования Зарубежной России.

Е. С. Петрова (США) в докладе «„Среди „царей сердца“ Пушкина была какая-то еврейка...“: о еврейском вопросе и брюсовских комментариях к „Гаврилади“» сосредоточилась на образе еврейской женщины как эротического символа, возникшего на страницах пушкинской поэмы. Брюсов в подготовленном им издании «Гаврилады» затронул в комментариях к травестированной Пушкиным версии непорочного зачатия еврейский вопрос в творчестве Пушкина: связав «Гавриладу» с произведениями 1821–1822 годов, в которых героинями станут именно *еврейки*, издатель сделал вывод о том, что «среди „царей сердца“ Пушкина была какая-то еврейка...». Позже выяснится, что в сердце Пушкина во время его пребывания в Кишиневе царил Мария Эйфельд, получившая прозвище «еврейка» из-за сходства с Ревеккой В. Скотта. В докладе было рассмотрено, как в творчестве Пушкина

возникает и получает свое развитие образ еврейки, а также показано, как он воспринимался в русской культуре во времена Брюсова. Было продемонстрировано, почему вплоть до 1918 года не представлялось возможным выпустить «Гавриляду» отдельным изданием в России и как изображение *Марии* даже спустя столетие после написания Пушкиным поэмы оставалось почти запретным.

Общую картину того, как Брюсов распорядился пушкинскими топосами Клеопатры и импровизатора из «Египетских ночей», баллады «Клеопатра» и примыкавших к ним фрагментов, наметила Л. Г. Панова (США) в докладе «Продолжая Пушкина: Брюсов и „Египетские ночи“». Сопоставив достижения Брюсова с рецепциями «Египетских ночей», принадлежащими его предшественникам и современникам, докладчица показала, что и по количеству, и по разнообразию он превзошел их всех. Брюсов не только дописал за Пушкина «Клеопатру», но и жизнотворчески разыграл роман с Ниной Петровской в стиле «Антония и Клеопатры» и претворил его в стихотворении о Клеопатре; создал повесть «Последние страницы из дневника женщины» — о современной Клеопатре и ее партнерах; и, наконец, участвовал в вечерах импровизаций, на которых удивлял присутствующих своим поэтическим даром.

Второй день конференции начался с блока «Брюсов — Пушкин — русская поэзия», который открыла минисекция по XVIII веку, состоявшая из двух докладов. В. Л. Коровин (Москва; Китай) в докладе «Брюсов и русская поэзия XVIII века: критические оценки и творческая рецепция» отметил, что в литературно-критических и научных работах Брюсова нет развернутых высказываний ни об одном из русских поэтов XVIII века (можно указать лишь на гимназические сочинения о Кантемире и Державине), а попутные упоминания и цитаты не отличаются оригинальностью, имеют клишированный характер; такая же картина и в его художественной прозе. Однако он считал себя специалистом по русской поэзии XVIII века, и эта самооценка не была завышенной (она подтверждается, например, воспоминаниями И. Н. Розанова, где приведены точные и заинтересованные суждения Брюсова о Хераскове и др.). Весьма перспективным, по мнению докладчика, было бы изучение творческой рецепции поэзии XVIII века у Брюсова, а в особенности поэзии Державина: тут находятся и типологические соответствия, и случаи сознательного подражания. Это не только брюсовские «Памятники», но и некоторые другие его эпатировавшие самомнением выступления, напоминающие об изучении Брюсовым в зрелые годы историко-литературных материалов по XVIII веку (например, шуточная ода «Привратнику»). Параллель «Брюсов — Державин» была на поверхности для его современников (и не раз проводилась — и в шутку, и всерьез), ее внимательное рассмотрение могло бы дать интересные результаты.

О. Л. Довгий (Москва) в докладе «Пушкин — Брюсов — Кантемир» представила новый поворот темы «Пушкин и Кантемир», возникающий из параллельного прочтения брюсовских сочинений о Пушкине и статьи «Кантемир» (1891), где большую роль играет топика движения. Пушкин, по Брюсову, постоянно движется, открывает для русской литературы новые пути, ставит новые вехи. А Кантемир, с его многочисленными инвенционными драмами, — стоит (хотя его сатиры ходят, движутся), и русской литературе было суждено вторично найти все найденное Кантемиром. И получается, что нашел все это — Пушкин. У Пушкина есть гармоничная формула «зачинатель и завершитель». Она кажется вполне применимой в случае с Пушкиным и Кантемиром. Но Серебряный век не может не внести дисгармоническую ноту в гармонию века Золотого. И Брюсов разрушает естественную логику пушкинской формулы. В брюсовской концепции Кантемир и Пушкин не «зачинатель и завершитель», но два зачинателя, двое первых. Но одному первому — все; другой забыт. И самое грустное, что сам Брюсов, в чьих текстах такая картина возникает, ее не замечает и эти два имени вместе ни разу не ставит.

В докладе Е. А. Тахо-Годи (Москва) было рассмотрено отношение к Брюсову — поэту, пушкинисту и человеку — его современника, литературного критика и философа Ю. И. Айхенвальда. Страстный почитатель Пушкина, Айхенвальд считает, что брюсовское преклонение перед великим поэтом идет в разрез с собственной творческой практикой поэта-символиста, чье творчество представляет полную противоположность пушкинским заветам. С точки зрения критика, это наиболее явно проявляется, когда Брюсов берется за продолжение незавершенных пушкинских текстов, дописывает «Египетские ночи». Антипушкинским представляется Айхенвальду и моральный облик Брюсова-человека, в конце жизни вступившего в партию большевиков, уничтожившую пушкинскую Россию. В докладе также была прослежена история личных взаимоотношений Брюсова и Айхенвальда, влияние их вражды на младших современников (Б. Садовской, В. Ходасевич, М. Цветаева, В. Набоков и др.).

А. Ю. Сергеева-Кляпис (Москва), выступившая с сообщением «В. Я. Брюсов и другие в дневниках К. Г. Локса» ввела в научный оборот материалы из архива К. Г. Локса, который наиболее известен как университетский товарищ Пастернака и пассивный участник литературных объединений «Лирика» и «Центрифуга». Однако, помимо Пастернака, о дружбе с которым рассказывает многократно переиздававшаяся «Повесть об одном десятилетии», Локс был знаком с кругом московских символистов, наиболее близко — с Брюсовым. Фигура Брюсова неоднократно появляется на страницах дневников Локса и в тетрадах с его мемуарными записями. Локс был не только внимательным наблюдателем, но и професси-

онально владел филологическими приемами анализа, эта составляющая его воспоминаний очень сильна. Она превращает его мемуары в статьи о литературе и — шире — культуре его эпохи. В приведенных примерах из дневников Локса фигура Брюсова возникает сначала в кругу «Общества свободной эстетики», а затем в контексте подготовки собрания сочинений поэта и работы над его архивом совместно с вдовой Брюсова Иоанной Матвеевой.

Т. А. Слепова (Москва) в докладе «Пушкин и Брюсов в восприятии Цветаевой: концепция поэта» обратилась к чрезвычайно важной для Цветаевой модели, которая позволяла ей особым образом оценивать каждого поэта (как своих современников, так и великих предшественников). В докладе было представлено, как Пушкин и Брюсов встраиваются в концепцию Цветаевой и какое место в ней занимают. Сближение имен не случайно: сама Цветаева в статье «Герой труда», посвященной Брюсову, вводит в качестве его антипода Пушкина. Их различия можно свести к следующим оппозициям: «подверженность наитию» — «воля»; «слово — способ постижения жизни» — «жизнь — средство для создания стихотворений»; «презрение славы» — «стремление к славе». Реконструкция этих оппозиций явственно демонстрирует, что Пушкин и Брюсов располагаются на разных ступенях поэтической иерархии Цветаевой. Более того, она позволяет наглядно показать принципиальную разницу двух типов поэтов в концепции Цветаевой: Поэта и стихотворца.

В докладе Е. И. Орловой (Москва) «Валерий Брюсов об Игоре Северянине» были представлены новые детали личных и творческих отношений двух поэтов. Брюсов был одним из немногих критиков, кто проследил творческую эволюцию Северянина. Он замечает у начинающего Северянина стремление обновить язык поэзии и первым, наряду с Н. Гумилевым, констатирует введение в поэтический язык «нашего создающегося бульварного арго», т. е. языка улицы, массового сознания, тем самым зафиксировав только еще начинавшийся процесс. Но уже в 1915 году Брюсов разочаровывается в Северянине, которого поначалу приветствовал, но которому, по убеждению старшего поэта, недостает не только вкуса и эрудиции, но и ответственного отношения к поэзии — качество, по Брюсову, непроситительное. Отношение Брюсова к литературному делу, к занятиям поэзией как к профессии может быть сравнимо с пушкинским.

Доклад О. Н. Купцовой (Москва) «Споры о сценичности Пушкина-драматурга на рубеже веков» был посвящен одной из частных тем, вписанных в общее поле метатеатральных дискуссий Серебряного века. Пушкинская драматургия, воспринимавшаяся в XIX столетии как «драма для чтения», в начале XX века с возникновением режиссерского театра начала входить в русский драматический репертуар. Дискуссия о «театре Пушкина», то почти

прекращаясь, то снова возобновляясь, длилась около двух десятилетий (1899–1921/1922) и хронологически разделилась на два этапа. Границей их стал «Пушкинский спектакль» 1915 года в МХТ режиссера А. Н. Бенуа. На первом этапе дискуссии обсуждался вопрос о самой возможности (и необходимости) сценического воплощения пушкинской драматургии. К середине 1910-х годов после первых пушкинских постановок (Александринский театр, МХТ) остро встала другая проблема — театральное языка, адекватного для сценического воплощения поэтической драматургии Пушкина. Для доклада были выбраны три участника первого этапа дискуссии (каждая из этих фигур важна по-своему). Театральный критик А. Р. Кугель с его юбилейной статьей 1899 года «Пушкин как драматург» не только утверждал «малую пригодность для сцены» почти всего драматургического корпуса пушкинских текстов, но и положительно оценивал несценичность как доказательство пушкинского поэтического гения, переросшего вкуса публики. В. Я. Брюсов в статье «Маленькие драмы Пушкина (к предстоящему спектаклю Художественного театра)» в преддверии премьеры «Пушкинского спектакля» писал о специфике сценичности Пушкина, требующей, с его точки зрения, в первую очередь, особой подготовленности зрителя. Вс. Э. Мейерхольд с 1910/1911 года последовательно и целенаправленно вводил Пушкина как в историю театра (определяя ему место в драматургическом русском Пантеоне в своих статьях), так и в современную театральную и театрално-педагогическую практику (в своих постановках).

В. И. Новиков (Москва) озаглавил свой доклад «С чего начинается Пушкин? Концепция пушкинского „избранного“ в сознании писателей XX века — от Блока до Довлатова». Вопросом о создании компактного свода важнейших стихотворений Пушкина задавался Александр Блок в конце 1920 — начале 1921 года. В его дневнике от 21 января 1921 года содержатся наброски этого плана, который он обсуждал с Е. Ф. Книпович. Символисты сомневались в правомерности хронологического построения свода избранного, поскольку «лицейские стихи представляют интерес более исторический и биографический, нежели художественный» (В. Брюсов). Эту точку зрения оспаривал Ю. Тынянов. У Блока возникало парадоксальное намерение открыть «избранное» поздними стихами Пушкина, такое эстетическое предпочтение характерно и для интеллигенции 1960–1970-х годов, что отражено в повести С. Довлатова «Заповедник».

Доклад «Русские „ловушки“ В. В. Набокова (пушкинский код «Университетской поэмы»)» Т. А. Алпатов (Москва) посвятила сопоставительному анализу «Университетской поэмы» Набокова и пушкинских произведений, ассоциативно связанных с текстом; кроме признанных параллелей с романом в стихах «Евгений Онегин» выявляются

линии взаимодействия с поэмой «Домик в Коломне», другими произведениями Пушкина, объединенными авторподродным метатекстовым художественным заданием, которое видится важным для становления творческой манеры Набокова-поэта.

Е. В. Шарыгина (Москва) в докладе «„Что против Пушкину иметь“»: пушкинский эпиграмматизм в стихотворной культуре XX–XXI вв.» взглянула на пушкинскую традицию сквозь призму поэтики эпиграммы. В эпиграмме «В. Я. Брюсову на память» В. В. Маяковский не только полемически отвечает «продолжателям» Пушкина, но и задает сразу несколько вопросов о пушкинской традиции в современной поэзии. Для Маяковского эпиграмматическая полемика была немаловажным подтверждением существования «живой поэзии», адресат выступал и оппонентом, и сторонником игрового литературного начала. Эту тему развивают и поэты XXI века. В докладе были рассмотрены эпиграммы и эпиграмматические высказывания Маяковского, Брюсова, а также — Т. Кибирова, Д. Быкова, М. Амелина, Е. Лесина и др. В сатирических произведениях Кибирова «дидактичность», на которую указывал в своих статьях Н. А. Богомолов, во многом ориентирована именно на пушкинскую традицию.

Доклад Л. А. Карпушкиной (Москва) был посвящен проблеме имитации пушкинского стиля в «Египетских ночах» В. Брюсова, заключительной сцене «Русалки» В. Набокова и «шестой повести Белкина» «Талисман» М. Зощенко. Анализ этих произведений показывает, что иллюзионное подобие соответствует объекту мимесиса лишь в некоторых аспектах, а по большому счету подражающий бессознательно воспроизводит собственную систему художественного мышления, что особенно бросается в глаза на композиционном и жанровом уровнях. Например, Брюсов выстраивает структуру сюжета с привлечением мотива из новеллы Т. Готье, которая стилистически близка ему, но не пушкинской поэтике. Стремление максимально использовать черновой материал Пушкина разрушает стройность композиции: получается, что пир Клеопатры изображен дважды. В то же время несомненной удачей Брюсова является интерпретация цветовой символики Пушкина. Наблюдения над текстами Набокова и Зощенко так же позволяют сделать вывод о том, что именно в соприкосновении с пушкинскими произведениями рельефнее высеиваются художественные доминанты индивидуального стиля выступающего в роли имитатора автора, а также его способности восприятия пушкинской традиции.

Последний тематический блок назывался «Пушкин — мастер». В докладе Ю. Б. Орлицкого (Москва) «Стихотворная техника Пушкина глазами стиховеда и стихотворца» на примере статей Брюсова о Пушкине была проанализирована (с опорой на статью М. Гаспарова «Брюсов-стиховец и Брюсов-стихотворец») эволюция стиховедческих взглядов поэта: от бег-

лой заметки о монотонности четырехстопных ямбов автора «Руслана и Людмилы» до монументальных статей «Медный всадник», «Стихотворная техника Пушкина», «Пушкин — мастер», «Звукоспись Пушкина», «Левизна Пушкина в рифмах». Особое внимание было уделено критическим отзывам Брюсова на ошибки Л. Майкова, а также обсуждению недостатков стиховедческих работ самого поэта, которые замечали его современники: С. Бобров, Б. Томашевский, Б. Ярхо, подчеркивающие субъективность его методики в сравнении с новаторскими исследованиями А. Белого.

Л. Г. Хорева (Москва) посвятила доклад «Функциональные особенности архаизмов в творчестве А. С. Пушкина и В. Я. Брюсова» осмыслению Брюсовым особенностей построения текстов Пушкина. Предметом пристального интереса Брюсова становятся архаизмы и славянизмы в текстах Пушкина. Из более чем двух десятков тематических групп пушкинских архаизмов Брюсова привлекла предметная лексика бытовой сферы (одежды и обуви, строений, еды, напитков); слова, описывающие внешность человека и характеризующие его поступки. Архаический пласт произведений Пушкина представлен практически всеми частями речи: местоимениями, глаголами, наречиями, междометиями, существительными, в то время как Брюсов отдает предпочтение преимущественно существительным. Сам Брюсов видит в использовании архаизмов залог яркости поэтических образов и создание особого поэтического языка. Архаизмы в текстах Брюсова (в отличие от произведений других поэтов) придают речи оттенок патетичности. Такую функцию выполняют только те славянизмы, которые устарели для нашей эпохи и не встречаются в широком употреблении, в то время как их русский вариант общепотребителен; ср.: голос — глас, молодой — младой, дочь — дщерь.

В докладе А. С. Белоусовой (Колумбия) «„...которую выдам Анопуме“: Пушкин, „Домик в Коломне“, журналы и английские романтики» шла речь о параллелях между эпизодами литературной борьбы в Англии и полемическими стратегиями Пушкина периода Болдинской осени 1830 года. Поэт готовит «опровержение на критики», что отражается не только в заметках, но и в знаменитых строфах «Домика в Коломне», что оказывается в центре внимания Брюсова. Как известно, в Болдине Пушкин активно читает английских авторов. Знаменитая «книга четырех поэтов» — *The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson, and Barry Cornwall: Complete in One Volume* (Paris: A. and W. Galignani, 1829) — отражается в целом ряде замыслов и произведений того времени. Интересно, что английское влияние обнаруживает себя не только в художественных текстах: Пушкин предварает свою неоконченную статью «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», писавшую в начале октября 1830 года, эпиграфом из Саути: «Сколь ни удален я моими

привычками и правилами от полемики всякого роду, еще не отрехся я совершенно от права самозащиты. Southey». А. А. Долинин указывает, что этот эпитаф мог быть знаком Пушкину по парижскому изданию произведения Саути. Названный том, сохранившийся в пушкинской библиотеке, — *The Poetical Works of Rogers, Campbell, J. Montgomery, Lamb, and Kirke White: Complete in One Volume*. Paris: A. and W. Galignani, 1829 — со всей очевидностью пригодился Пушкину куда меньше, чем «книга четырех поэтов». Тем не менее детальное изучение этого издания, по всей видимости прочитанного Пушкиным к осени 1830 года, позволяет обнаружить новые сведения, указывающие на то, что, определяя стратегию поведения с враждебной журнальной критикой, Пушкин ориентировался на модели, выработанные авторами английского романтизма, в первую очередь Байроном и Саути.

Доклад А. К. Жолковского (США) был посвящен знаменитой эпитафме Пушкина на

М. С. Воронцова (1824), но не с точки зрения ее идейного содержания и места в биографии поэта, а в сугубо структурном плане: на фоне истории русской и европейской эпитафмы, в терминах так называемой поэзии грамматики и с опорой на инварианты поэтического мира автора. Разбор строился как пословный комментарий к тексту, позволивший проследить основные повороты лирического и повествовательного сюжета эпитафмы, воплощенные в движении фонетики, морфологии, синтаксиса, ритма и рифмовки этого маленького шедевра.

При обсуждении докладов было отмечено, что все сообщения в той или иной степени касались тем, начатых Н. А. Богомоловым, развивали и продолжали его идеи. Конференция позволила вновь увидеть научный масштаб ученого, осознать его огромное влияние на современную филологическую науку.

© О. Л. Довгий